

окраска именных форм с суффиксом *-к-* (*Танька, Васька*), как ласкательные воспринимаются деминутивы с суффиксами *-очк-, енък-* и т.п. Однако нормы эти нарушаются с гораздо большей легкостью, чем все остальные языковые нормы – норма социума оказывается гораздо сильнее, к тому же внутрисоциумный запас имен или их вариантов гораздо богаче того, что предлагает общий узус, поэтому просто не поддается нормированию.

Другая сторона коннотации имени связана вновь со «списком». Фантомные денотаты формируют и фантомные коннотаты, определяющие деление имен на «высокие» и «низкие»¹. Однако это уже вопрос не о семантике, а о культурной ауре антропонима.

Итак, постараемся подвести итог. Антропоним может быть двуликим: он существует сам по себе и как личное имя конкретного человека. Антропоним сам по себе не имеет реального значения – личное имя обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом. Антропоним сам по себе вбирает в себя культурные коннотации, за счет чего формируются фантомные лексические значения, превращающие его в промежуточную форму между онома и апеллятивом (*коннотоним*, по определению Е.Отина²). Личное имя варьирует в социуме, через многочисленные варианты и дублиеты стараясь наиболее полно реализовать денотативное и коннотативное наполнение семантики имени. Антропоним существует в языке, особенности его функционирования определяются языковыми законами. Личное имя существует в социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования имени. Семантика антропонима определяется общенародными культурными коннотациями. Семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным членом социума.

И.В. Родионова

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ОТРАЖЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА НА УРОВНЕ ЯЗЫКОВЫХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

В качестве одного из источников для реконструкции русской традиционной религиозно-мифологической картины мира могут привлекаться единицы языкового номинативного уровня – в частности, народные номинации, образованные от имен, принадлежащих персонажам библейско-христианской традиции. Информативность данных единиц в плане экспликации этнокультурной информации безусловна, однако при осуществлении соответствующих реконструкций следует учитывать специфику языкового уровня. Суть в том, что стоящее за номинативной единицей прецедентное содержание обуславливается не только факторами культурной традиции, но и факторами системно-языковыми.

В частности, весьма интересным образом данный тезис подтвердился при анализе единиц, созданных по модели *отыменной атрибутив + субстантив*, обозначающий:

¹ В этом вопросе нам остается только присоединиться к положениям статей О.Г. Сидоровой и В.И. Супруна в настоящем сборнике.

² См. об этом: *Отин Е.С.* Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 3.

а) часть тела субъекта; б) соотносимый с субъектом предмет. Это одна из наиболее многочисленных групп номинаций, возникших на базе библейских онома; в идеографическом отношении ее основной корпус включает в себя: а) названия травянистых растений; б) номинации, касающиеся астральных объектов; в) обозначения предметов, связанных с обрядово-ритуальной сферой.

Анализ номинаций осуществлялся в первую очередь в плане их *мотивированности*, причем в обоих аспектах – с точки зрения *прецедентного текста*, носителем которого является библейское имя, и с точки зрения денотата, *номинаруемого объекта действительности*. Таким образом, каждое сочетание сформировалось на основе определенного фрагмента библейско-христианского текста. Было выявлено, что прецедентное содержание имени может реализовываться в четырех разновидностях, которые выделяют прежде всего в зависимости от степени и характера влияния языковых механизмов на экспликацию прецедента. Далее предлагается описание этих разновидностей.

1. Наибольшую обусловленность номинативного процесса со стороны языка следует констатировать в случаях, когда для наименования выбирается сочетание, уже функционирующее в языке *в качестве фразеологизма*, и ему приписывается другой денотат. Самым ярким (и, пожалуй, единственным) примером такой номинации в нашей группе является фитоним *соломонова печать* 'растение коровяк обыкновенный; растение купена аптечная', непосредственным прецедентом которого, очевидно, является книжный по происхождению фразеологизм *соломонова печать* '(иноск.) недоступное, таинственное, непонятое' [Михельсон, 2, 295]; ср. также более развернутый паремиологический вариант *это печать премудрости Соломоновой с семью (девятью, двенадцатью) столпами* 'говорится о чем-либо таинственном, непонятом' [Даль, 3, 107]. Со стороны денотата на выбор номинации могли в первую очередь повлиять специфические особенности растения: например, в случае с купеной – ежегодный отпечаток отмерших стеблей на корневище; при этом связь «имя – денотат» обеспечивается в первую очередь субстантивным компонентом, атрибутив же появляется как элемент устойчивого выражения. Соответственно здесь мы имеем дело с языковым уровнем культурной традиции, т.е. с отсутствием выхода за границы собственно языковой сферы. Прецедентные коннотации имени, актуальные при функционировании фразеологизма в первичном значении, здесь скорее утрачиваются, чем активизируются. Со стороны традиции это пример жесткой заданности формы при практически нулевом текстовом («сопровождении») (содержании).

2. Следующую группу составляют номинации, где фигурируют сочетания, к которым, с нашей точки зрения, применимо определение *языковые клише*. Такой статус этих единиц определяется, например, их присутствием в той же или подобной форме в фольклорных текстах, а также достаточно широкой распространенностью в говорах (номинации именно этого типа наиболее «полисемичны», т.е. соотносятся в рамках имеющегося в нашем распоряжении материала с наибольшим количеством денотатов). Устойчивость этих сочетаний обуславливается закрепленностью за ними в культурной традиции определенного текстового фрагмента. С точки зрения мотивированности примечательным является тот факт, что нередко в номинациях этой группы связь между словосочетанием и номинируемой им реалией можно интерпретировать как мотивированную частично, т.е. обеспечиваемую только субстантивным компонентом, а отыменной атрибутив в этом отношении кажется практически нефункциональным, появляющимся прежде всего в качестве элемента клише. Однако на такие номинации можно посмотреть и под другим углом зрения: клише с библейско-христианским именем используется номинатором с целью особым образом маркировать денотат, соотнести его с са-

крально-мифологической сферой. Подтверждением данного тезиса служит идеографическая принадлежность рассматриваемой группы номинаций: большинство растений, получающих названия такого типа, являются лекарственными, наделяются чудодейственными свойствами; предположение о выраженной в номинациях соотношенности с сакральной сферой астральных объектов и ритуальных предметов тоже вполне закономерно. В любом случае, номинации, созданные на базе клише, являют собой пример достаточно строгой заданности, причем заданности и формы (собственно словосочетание), и содержания (стоящий за словосочетанием прецедентный фрагмент). Фактор лингвистический (языковая традиция) здесь весьма силен и даже преобладает над культурным фактором (прецедентный текст). Номинативная единица не создается, а берется готовое, бытующее в языке клише, которое так или иначе подходит к номинируемому объекту.

Например, языковым клише следует считать сочетание *адамова голова*, отражающее значимость данной детали в библейско-христианской и апокрифической традициях: местом погребения Адама считается гора Голгофа (др.-евр. «место черепа»); этот мотив по-разному обыгрывается в апокрифах (например, существуют сказания о создании Голгофы из черепа Адама¹), поддерживается иконографической традицией (человеческий череп – «Адамова голова» – является элементом иконописных изображений распятого Христа), отражается в лубочных «духовных листах», где рисунок «Адамовой головы» имеет соответствующий символический смысл и сопровождается текстами о греховности и смертности человека². В говорах, помимо значения ‘человеческий череп’ [Даль, 1, 5], у этого сочетания фиксируется переносное ‘о человеке с большой головой’ [СРНГ, 1, 206]. В составе нашего материала данным сочетанием обозначается около 17 различных травянистых растений [см., например: СРНГ, 1, 205; АОС, 1, 63; СРГК, 1, 203; СРДГ, 1, 2; КДЭС]; при этом, судя по контекстным мотивировкам, в пяти случаях номинация обусловлена шарообразной формой растения или его частей, в пяти отмечается использование растений в качестве средства при головной боли, девять названий сопровождаются указанием на другие целебные, чудодейственные свойства растения. Есть примеры объединения признаков: *Адамова голова ото всех болестей. Адамова голова от больной головы помогает, вон, гляди, по угору шарики голубые колючие* [КДЭС].

Еще одним примером клише можно считать сочетание *егорьево (егорьевское) копые*, фиксируемое в качестве народного названия нескольких (порядка десяти) трав (см., например: [СРНГ, 8, 317; КДЭС]). Прецедент в данном случае – легенда из житийной литературы о поражении св. Георгием змея; способствующий закреплению мотива фактор – иконографическая традиция. Со стороны денотата реконструировать с достаточной достоверностью удастся только мотивировку для субстантивного компонента: соотношение номинации и растения может основываться на уподоблении по внешнему виду (удлиненная форма плодов, игольчатые листья, зазубренные лепестки и т.п.), кроме того, как свидетельствуют факты языковой рефлексии диалектоносителей, номинация отражает свойство растений помогать от «колотья» (ср.: *Егорьево-то копые от колотья пьют* [СРНГ, 8, 317]; *Как начнет колотья, я возьму и напысь* [СОСВ, 67]).

Статус клише имеет также словосочетание *петров (петровский) крест*, функционирующее в говорах как фитоним применительно к более чем 20 растениям (см., например: [СРНГ, 26, 329; Анненков, 322, 329, 396; КДЭС; ЛК ТЭ]) и как астроним (например, ‘созвездие Ориона’; ‘созвездие из четырех звезд, расположенных крестом’ [СРНГ,

¹ См.: Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. СПб., 1903–1905. Т.1. С. 427–430.

² См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. Притчи и листы духовные.

26, 330]). Прецедентом здесь, очевидно, следует считать историческое свидетельство о факте мученической смерти апостола Петра, который был распят на кресте вниз головой¹. Большинство растений обладают лекарственными качествами, наделяются чудодейственными свойствами (ср.: *Кака-то была травка петров крест, бабка говорила, ее корень надо собирать на счастье* [ЛК ТЭ]; *Петров крест полезна трава, тута редко встречается, ее выкапывать надо, покрестившись, помолвившись, тогда поможет* [Коновалова, 156]). В нескольких случаях мотивировочным признаком является крестообразная форма какой-либо части растения (корня, листьев); по форме получили название и созвездия (*Петров Крест, звезды расположены как крест* [НОС, 4, 143]). Также можно предположить, что некоторые фитонимы имеют «хроникальную» мотивированность (например, цветение около Петрова дня).

3. Отдельную группу составляют номинативные единицы, возникшие в первую очередь под воздействием культурного фактора. В основе этих номинаций лежит взятый из фонда прецедентных текстов какой-либо *конкретный образ или сюжет*. Специфика данных номинативных фактов заключается прежде всего в отсутствии того тиражирования, которое широко наблюдается в предыдущей группе и соответственно в большей прецедентной нагруженности номинаций. Словосочетание создается на базе определенного текстового фрагмента, с одной стороны, и с ориентацией на конкретный номинируемый объект, с другой. Таковы, например, фитонимы *адамова борода* [СРНГ, 1, 205] (прецедент – представление о первочеловеке Адаме как о древнем старце), *иванова голова* [СРНГ, 12, 55], *иванова кровь*² (экспликация сюжета о казни Иоанна Крестителя), астроном *Моисеев Посох* [СРНГ, 18, 206] (отражение сюжета о Моисее – предводителе идущих в Землю обетованную иудеев), обрядовый термин *христовы онучи* ‘блины, которые пекли в день Вознесения и после ритуальной трапезы несколько штук оставляли в лесу «Христу на онучи», представляя, что «Христос, обувшись в онучки, восходит по лестнице на небо»’ [Даль, 4, 565]³ – в данном представлении отражается образ Христрастранника, обладающий значительной актуальностью и яркостью в контексте народно-православной традиции.

4. Наконец, особо стоит выделить номинативные факты, которые отличаются от номинаций предыдущей группы тем, что традиция прецедентных текстов проявляет себя здесь в наиболее «свободной» форме – как *тема*, которую номинатор развивает в необходимом для номинативной ситуации направлении. Сама тема может быть охарактеризована как имеющая черты мифологической универсалии: вследствие своей особой значимости в контексте традиции прецедентный сюжет приобретает максимально генерализованный вид, когда создающие текст конкретные детали и события деактуализируются и остается некий каркас, «заголовок», в свою очередь становящийся основой для порождения различных фольклорно-мифологических текстов-вариаций. Исследование комплекса диалектных вторичных номинаций, производных от библейско-христианских имен, позволяет сделать вывод о том, что статус темы – мифологической универсалии в русской народной традиции приобрел сюжет о пленении, истязаниях, казни Христа. В описываемой группе номинаций он реализуется, в частности, в номинациях растения аконит – *христов покров, христов покрой, христов прикрыт* [Коновалова, 200–201; ЛК ТЭ]. Номинации сопровождаются мотивировочной легендой, являющейся вариацией на указанный сюжет: *Трава с меня ростом, длинная, растет на лагмазине; когда Иисуса*

¹ См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т. М., 1959. Т.2. Стлб. 1179.

² См.: Кузнецова М.А., Резникова А.С. Сказания о лекарственных растениях. М., 1992. С. 85–86.

³ См.: Диттель. Сборник рязанских областных слов //Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 225.

Христа искали, он сидел под этой травой. Раньше кто-то нападал на Христа, дак он под ним спасался, а жидаы его истыкали, дак он неровой [ЛК ТЭ].

Итак, группа номинативных фактов, производных от библейско-христианских антропонимов по модели атрибутивного словосочетания, является весьма показательным примером того, как может осуществляться взаимодействие двух аспектов культурной традиции – тексто-мифологического и языкового. Выделенные группы можно представить последовательно располагающимися на оси язык – миф номинациями:

1. Созданные путем «заимствования» фразеосочетания

2. Созданные на базе языкового клише

3. Созданные на основе прецедентного образа, сюжета

4. Созданные на основе разработки и варьирования прецедентной темы

← ЯЗЫК

МИФ →

Соответственно группы 1 и 2 принадлежат в большей степени языковой традиции, т.е. созданы под преобладающим влиянием принципов языковой системы; группы 3 и 4 обусловлены прецедентным текстом и реализуют бытующие в народной традиции представления о библейско-христианских персонажах.

В заключение остается заметить, что данная классификация не лишена известной доли условности. При описании групп были приведены наиболее яркие примеры, в целом же в комплексе номинаций, созданных по атрибутивной модели, есть немало «переходных» вариантов (более всего таких, которые совмещают в себе черт 2-го и 3-го типов).